

Зайберт В.Ф.

*Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева,
г. Петропавловск, Республика Казахстан*

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ БОТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ РОЛЬ В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

Стратегия развития нашей страны по пути прогресса и процветания определяется нашим президентом страны, лидером нации – Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым, и базируется на богатом историческом опыте взаимодействия народов Казахстана. Это - путь Евразийства – взаимодействие разных этносов в сфере экономики, культуры и духовной жизни. Благодаря археологическим исследованиям в Казахстане было установлено, что история Евразийства уходит далеко в древность – в эпоху меднокаменного века (IV–III тыс. до н. э.).

Научные исследования Северо-Казахстанской и Кокшетауской археологических экспедиций, а также изыскания учёных из ряда стран на уникальном энеолитическом поселении Ботай и других объектов ботайской культуры на протяжении 30 лет (1980-2010гг.) позволили сделать ряд научных открытий в древней истории Казахстана и Евразийского континента в целом.

1. В степях Северного и Центрального Казахстана впервые на планете в IV тыс. до н. э. была одомашнена лошадь.
2. Человечество перешло после нескольких миллионов лет эволюции от пешей коммуникации к конной. Этот момент и был началом степной цивилизации, динамичным ускорителем мирового исторического процесса. Историческое значение этого явления огромно! Начиная с IV тыс. до н. э. – времени сложения ботайской культуры ранних коневодов Евразии – вплоть до индустриальной эпохи XVII-XVIII вв. лошадь играла основную роль в эволюции цивилизационных процессов не только в великой степи, но и в остальной ойкумене Старого Света.
3. Ботайское население перешло к полуосёдлому образу жизни. Впервые в степях люди стали строить капитальные деревянные сооружения с использованием оригинальных архитектурных приёмов. Жилые полу наземные дома строились из дерева, глины, костей лошади, бересты и земляных пластов. Дома доходили по площади до 120 кв. м. Они были многоугольными по форме, а сводчатое перекрытие держалось очень прочно без опорных столбов. Это – эврика в домостроительной технологии.
4. Ботайцы за две тысячи лет до эпохи бронзы пользовались медными инструментами и предметами. Они были искусными мастерами, медиками, художниками и ювелирами. Трепанация черепа в условиях того времени граничит с фантастикой. Ряд изделий выполнены таким совершенным образом, что невозможно зачастую представить себе технологии каменного века.

5. Население ботайской культуры впервые выработали календарные циклы скотоводов в степи. Зимой они жили в больших поселениях (20-30 га) и стационарных домах, а весной часть жителей поселков вместе с лошадьми уходили в открытые степные районы Тургайской ложбины и отрогов Улугатау в Джезказганском регионе. Фактом является рисунок на глиняном горшке изображающий два колеса и стилизованное изображение лошади между ними. Для временного жилья использовалось лёгкое жилище, сделанное из тала и шкур лошадей, а эврикой для создания первых юрт была обыкновенная плетёная из тальника корзина, которая своей простой и прочной конструкцией завораживала людей, давая им инструмент лова рыбы, остова, обмазанного глиной (будущий сосуд). Нагляден макет перевёрнутой вверх дном корзины как прообраз ботайского жилища или юрты. Все значительные и малые открытия первых коневодов внедрялись в повседневную практику, закреплялись в процессе традиционного воспитания, передавались из поколения в поколение на протяжении тысячелетий и распространялись по степным и лесостепным просторам Евразии. Научные изыскания ботайской культуры Казахстанскими археологами и их зарубежными коллегами получили широкий научный и общественный резонанс в мире, потому что результаты археологов позволили уже и позволят в будущем ответить на многие вопросы загадочной истории человечества.

Не вдруг было сделано ботайское открытие. К нему мы – археологи Северо-Казахстанской археологической экспедиции шли с юных лет. Вектор пути у нас был один, а дороги в науку разные. Определил наш путь, наш археологический образ жизни человек, который для каждого из нас был Учителем – Геннадий Борисович Зданович. Сегодня он известный в мире ученый с высшими научными регалиями, плодотворно занимается научной и учебной деятельностью в Челябинском государственном университете, и конечно же не бросает свое детище Аркаим.

В 1980 году наступил 13-й сезон североказахстанской археологической экспедиции. Я закончил свою первую теоретическую работу “Атбасарская культура”. Это был итог нелегких, но удачных полевых исследований более 200 поселений и стоянок эпохи мезолита и неолита в Приишимье. Как показали раскопки, в VII–V тыс. до н.э. степные просторы Центральной Азии были заселены не бродячими рыболовами-охотниками, как об этом писали ранее, а относительно оседлыми общинами, жившими в долинах рек и у пойменных озер в небольших поселках. Население прекрасно ориентировалось в окружающей природе и вырабатывало оптимальные формы жизнедеятельности. Люди переходили к оседлости, занимались рыболовством, охотой, собирательством, открывали новые орудия труда и технологии каменной и костяной индустрии. Наравне с базовыми круглогодичными поселениями существовали центры по изготовлению орудий труда (мастерские), разрабатывались места добычи кремня и других пород, пригодных для производства инструментов, определялись места сезонных стойбищ и охотничьих лагерей.

В условиях оседлой жизни появляется керамика как универсальный показатель неолитической эпохи, в которой произошли главные изменения в древнем обществе, позволившие человеку резко уйти от мамонтовой эпохи и заложить первые камни в фундамент будущей степной цивилизации.

К началу голоцена устанавливаются современный ландшафт, флора и фауна. Исчезают крупные животные мамонтового комплекса, но зато широко распространяются копытные и парнокопытные млекопитающие и другие виды животных, дожившие до современности. В голоцене первобытный человек вынужден был изменить привычные палеолитические системы жизнеобеспечения, выработать новые, активные формы охоты, рыболовства.

Археологически этот процесс эволюции экономики и культуры в новых исторических условиях связан с мезолитом. В мезолите были изобретены лук и стрелы. Последние оснащались составными наконечниками из кремня или яшмы. Типичными были наконечники стрел из кремневых пластинок длиной от 1 до 6 см. Жили люди в наземных небольших жилищах, построенных из дерева, шкур, пластов. Селились, в основном, по берегам стариц, у родников, на уровне высокой поймы или первой надпойменной террасы. Образ жизни людей был полuosедлым. В условиях присваивающих форм хозяйства - рыболовства и охоты - им приходилось часто преодолевать определенные территории в поисках новых охотничьих угодий, условий для строительства жилищ. Миграции протекали, в основном, в меридиональном направлении, в рамках одной долины реки, будь то Ишим, Тобол, Нура или Иртыш. Передвижения осуществлялись в осенне-весенний периоды.

В VI тысячелетии до н.э. в Северном Казахстане обитали неолитические группы населения атбасарской культуры. Селились они в долине рек, которые были в то время настоящими оазисами по сравнению с окружающей степью. У атбасарцев была развитая техника обработки камня. Они умели пилить, сверлить, шлифовать, расщеплять камень. Сырьем служил яшмовидный кварцит, широко залегающий в верхних слоях Казахского мелкосопочника на территории Кокчетавской и Целиноградской областей. Жили они на стационарных поселениях площадью до 2-3 тысяч кв.м. Были там и специализированные мастерские по производству орудий труда и их заготовок, широко вошедших в меновую торговлю между казахстанскими группами населения и западносибирским населением этого периода. Первые опыты приручения домашних животных - собаки и лошади - также связаны с неолитической эпохой. Более 200 стоянок известно в Приишимье. Производственный инвентарь из раскопанных и обследованных памятников неолита составляет более 10 тысяч единиц. Это наконечники копий, дротиков, стрел, скребки для обработки шкур, ножи для резания мяса, дерева, кости. Поражают своим изяществом и техникой исполнения наконечники стрел и дротиков.

Неолитические комплексы отражают дальнейшее развитие присваивающего хозяйства. В степных районах, примыкающих к горным долинам Урала или таежным северным массивам, велось комплексное присваивающее хозяйство, основанное на охоте и рыболовстве, где трудно

выделить ведущий вид промысла. Внешне, кажется, что сохраняются традиционные способы добычи пищи. Однако содержание их принципиально меняется. К среднему неолиту охота постепенно теряет свое значение, и ведущее место занимает рыболовство. Напрасно искать крупные поселения этого времени в узких неразработанных долинах, где русло реки сжато обрывистыми высокими берегами. Базовые поселения неолита располагаются у широких пойм, иногда с гривистым рельефом, которые и в древности, и в настоящее время изобиловали и изобилуют старыми руслами, излучинами, многочисленными поименными озерами. Большинство озер в летние месяцы представляют собой изолированные водоёмы, расположенные цепочкой на месте древних русел реки. Однако, весной, во время паводков, старицы наполняются водой и озера становятся проточными.

Глядя весной на широкую многокилометровую пойму Ишима после спада большой воды, легко представить те условия, в которых велось древнее рыболовецкое хозяйство. Сотни и сотни малых и больших водоемов отмечают мельчайшие деформации долины. Топография неолитических памятников убеждает, что изрезанность поймы в V-IV тысячелетии до н.э. была не менее значительной, чем сегодня. Относительно сухой и более теплый климат определял стабильный водный режим рек. Небольшой уровень паводковых вод и кратковременность весенних разливов не разрушали поселенческие площадки, расположенные на склонах и у подошв первых террас, но обновляли воду озер и стариц и обеспечивали рыбный промысел.

В коллекциях стоянок трасологами определены многочисленные составные гарпуны и остроги. В то же время, в каменном инвентаре почти отсутствуют предметы, связанные с охотой, кроме мелких наконечников стрел, которые использовались, вероятно, для добычи водоплавающей птицы.

Рыболовство и охота свое дальнейшее развитие получили в энеолите. Важно отметить факт широкого применения для ловли рыбы специальных загородок – «запоров», которые устанавливались поперек реки или протоки. Количество заграждений на отдельных реках измерялось сотнями. Один из вариантов «запоров» - «тшуп» представлял собой ряд кольев длиной 1,5 м, вбитых в дно с помощью деревянной колотушки и переплетенных прутьями, или же два ряда кольев с проложенными между ними молодыми елками. «Тшуп» мог быть сплошной запрудой, перегораживающей всю реку, или заколом, установленным у берега. В заграждениях оставляли проходы, в которых помещали ловушки – «морды» и вентеля. Изгороди использовали и для летнего, и для зимнего отлова рыбы.

Оседлость поздненеолитического населения Урало-Казахстанской зоны могла быть обеспечена, прежде всего, за счет высокопродуктивного рыболовства. Надежность рыболовства, как основного источника питания, определялась четким представлением о рыбных ресурсах на всей освоенной территории речной долины, а также в каждом отдельном малом или относительно крупном замкнутом водоеме. Особое внимание должно было

уделяться весенним промысловым мероприятиям. «Запоры» могли устанавливаться еще до ухода полоой воды у входа в курьи и протоки. В этом случае рыба, зашедшая в половодье, полностью оставалась в протоке, которая к середине лета превращалась в замкнутый водоем.

Промысел на реках и крупных озерах велся, видимо, круглогодично и служил основным источником питания. Рыба же, заключенная в малые замкнутые водоемы речной долины, должна была использоваться в качестве «неприкосновенного» запаса. Малые водоемы играли роль естественного «склада», откуда пищевой продукт - живую рыбу, можно было легко извлечь самыми простыми способами. Таким образом, малые пойменные водоемы, благодаря своей многочисленности и природной специфике обеспечивали одно из главных условий существования человеческого коллектива - стабильность в источниках питания на протяжении всего года. Конечно, замкнутые водоемы требовали определенного и летом и, особенно, зимой во избежание замора рыбы и для создания оптимальных условий для размножения.

Я подробно остановился на рыболовстве как основном хозяйственном звене, обеспечивающем стабильность жизни неолитических и энеолитических коллективов. Однако охота, несмотря на ее малую производительность, занимала определенное место в человеческой деятельности. Практиковалась индивидуальная и коллективная загонная охота. Животных загоняли не только в узкие балки или на крутые обрывы, где их убивали. Оседлый образ жизни позволял сооружать и искусственные загоны, умело используя пересеченный рельеф местности как естественную преграду. Не так уж много было удобных, подготовленных самой природой мест для загонной охоты. К тому же, выбор района для постоянного поселения определялся потребностями рыболовства. Так, что внесение искусственных элементов в рельеф местности с целью задержания животных в зоне, недалеко от постоянного обитания общины, могло быть вполне реальным явлением.

Сама идея искусственных загонных сооружений, сооружаемых с помощью изгородей, была сродни идеи рыбных «запоров» или заколов. Важная новая черта охоты, при описанной системе хозяйства, состоит в том, что люди могли себе позволить не утилизировать сразу всех животных, загнанных в пределы искусственных ограждений, а содержать их там, в течение более или менее длительного времени, и забивать по мере потребности коллектива в пищу или отправления ритуалов. Идея содержания отдельных особей диких животных в загонах могла реализовываться только в среде оседлых рыболовов и охотников. Это был первый шаг, который подготовил выдающееся событие - одомашнивание лошади, - реализация которого охватила эпоху позднего неолита-энеолита.

Рыболовство и оседлость определяли специфику кремневой индустрии, технологии керамического производства и других видов домашних промыслов.

Археологи, занимающиеся древней историей степной Азии, понимали, что между неолитической эпохой VI–III тыс. до н.э. и эпохой бронзы должен был быть период, подготовивший на основе культуры позднекаменного века эпоху металла. Это время энеолита или медно-каменного века (В. Зайберт, 1993).

В Казахстане к 80-ым годам энеолит еще не был изучен в той мере, как в европейской части Евразии. И поэтому одна из проблем и задач, которую решала наша петропавловская группа исследователей, – создание периодизации и хронологии первобытных культур северной части Казахстана – не могла быть решена без изучения энеолитических объектов региона.

После десятилетних раскопок стоянок каменного века, в открытой знойной степи, когда в отдельные годы буквально на глазах высыхали старицы рек, у которых мы разбивали экспедиционные лагеря, нам хотелось поработать на новых стационарных объектах, у проточной воды и рядом с лесом. А кто из археологов об этом не мечтает?

В конце жаркого июня 1980 года заканчивали раскопки стоянок на степной речке Балга-Карасу (приток р. Чаглинка). Нужно было решить, какой объект выбрать для дальнейших раскопок. Я вспомнил одну из своих первых археологических разведок 1969 года по реке Иман-Бурлук (приток р. Ишим). Низовье реки Иман-Бурлук проходит по живописной местности, сочетающей облесенный мелкосопочник с равнинными участками. Лесные березовые колки сочетаются с реликтовыми сосновыми борами. Одно место у села Никольское мне тогда особенно запомнилось – крутой обрывистый берег, с ровной открытой площадкой, хвойными деревьями.

Наверное, хорошо, что в тот момент был предзакатный вечер, нужно было определиться с ночевкой. Возвращаться в село Никольское, которое уже прошел, не хотелось. В темноте я добрал до следующего, по маршруту, села – Кирилловки. А утром был общий сбор “разведчиков”, следующий разведочный маршрут – отсрочивший открытие Ботая на 10 лет, но позволивший мне открыть и изучить Атбасарскую культуру.

Пригласив молодых лаборантов – Олега Мартынюка и Владимира Зайтова, я попросил их в полусутоливой форме: “Ребята, нам всем ужасно надоело копать на “раскаленной сковородке”. Поезжайте на речку Иман-Бурлук. У села Никольское есть лес и красивый берег. Там должна быть стоянка”.

Ребята вернулись через три дня с полной кепкой обломков керамики и кремневых изделий: “Виктор Федорович! Материал интересный, но стоянка разрушена оврагом, это сборы из него”. Но их уже не слышал. Мне стало ясно, что в кепке лежат принципиально новые, незнакомые доселе археологические материалы, а значит, это новый этап в нашей археологической жизни. И его приближение мы не стали затягивать. В течение двух часов свернули лагерь, загрузили в старенький, но очень любимый всеми “Кубанец,” оборудование. Поверху легли 30 археологов и экспедиция тронулась в ночной путь, к надежде...

К месту новой интриги экспедиция прибыла уже глубокой ночью. Уставшие археологи расположились в сосновом бору. Опьяненные лесным воздухом и пением соловьев, все мгновенно уснули. Утром открылась панорама урочища – открытая глинистая площадка высокого обрывистого берега реки, окаймленная зеленой лентой хвойного леса. Косые лучи раннего утреннего солнца четко высвечивали многочисленные неглубокие, округлые, покрытые травой, впадины.

Вскоре мы были на месте. Часть ровной площадки была разрезана оврагом. В обрыве очень хорошо выделялся мощный, до 2 м, насыщенный многочисленными костями животных, обломками глиняных сосудов и каменными изделиями. Сомнений уже не оставалось – на Северо-Казахстанской земле открыт новый уникальный археологический объект, раскинувшийся на более чем 20 га.

Естественно, что спать ребятам уже не пришлось. Возникшие между участниками экспедиции споры по поводу принадлежности овальных впадин к следам древних жилищ разрешились уже после первых пробных шурфов и добытых в них находок. Все поняли – впереди огромная работа!

После первой волны эйфории радости был разработан план действий. Новый открытый уникальный объект требовал и новых неординарных методик раскопок. Параллельно с топографическими работами визуальными наблюдениями была начата разборка земли в овраге, начиная от самого устья оврага. Находки шли одна за другой; вместе с наконечниками копий, стрел, дротиков, дисковидными изделиями, костяными ножами, теслами, проколками, обломками глиняной посуды было собрано огромное количество костей лошади. На какое-то время мы оказались в замешательстве: в археологии Евразии такое количество костей еще не встречалось. Может быть, эти кости не связаны с древним поселением. После зачистки стенки обрыва мы убедились, что в культурном слое органично сочетаются древние находки и кости лошади.

Итак, перед нами феноменальный археологический объект. В течение 7 дней при разборке культурного слоя, снесенного в овраг, было найдено более 40 тысяч предметов. Находки уже не вмещались в наши специальные палатки для обработки артефактов (“камералки”). Они горками поднимались по всему лагерю. Весь световой день шла типологическая разборка находок. Затем в мысовой части поселения, между двумя оврагами, был заложен первый охранный раскоп.

Встал вопрос: как назвать этот уникальный археологический памятник? Обычно археологи называют открытые археологические объекты по названию близлежащих сел или местных топонимов – наиболее используемые среди населения названий природных образований. Назвать памятник “Поселение Никольское”? Но сколько безликих сел с подобным названием было разбросано по территории Советского Союза? – Тысячи! Этот неординарный памятник археологии должен быть узнаваем повсюду, должен отражать принадлежность к Казахстану, название должно быть звучным, легко склоняемым. Мы обратились к местным краеведам, и вот что

поведал нам замечательный историк, директор местной школы З. Закирьянов: “До русской колонизации в этих местах были пастбища многочисленных сородичей Ботая, одного из лидеров местных казахских родов, сохранившего свое имя в названии современного аула Ботай и одноименного железнодорожного полустанка

Так началась многолетняя история изучения археологического объекта – поселения эпохи энеолита (4- го тысячелетия до нашей эры, Ботай). Так мы вдохнули новую живительную струю в историю края и республики Казахстан. К середине августа стало ясно, что закончить, как того требует закон об археологических исследованиях, начатый раскоп мы не сумеем. Нужно было привлечь больше рабочих рук и продлить время раскопок.

Первый сезон на Ботае мы завершили в конце октября, уже под угрозой первого снега. Это был год, определивший весь многолетний период исследования памятника. Но чтобы его исследовать полностью такими масштабами, которые велись в эти годы, понадобилось бы не менее 150–200 лет.

Передо мной, как перед руководителем, встала ответственнейшая задача выбора методики исследования и стратегии ввода этого уникального поселения в научный оборот. Мы с сотрудниками понимали, что планировать нужно многолетние раскопки с привлечением специалистов различных наук: географов, геологов, инженеров, архитекторов, палеозоологов, антропологов, почвоведов, математиков, этнографов, историков, аграриев, экономистов, социологов, философов, экологов и др.

Доклады о первых итогах раскопок в академиях наук Алма-Аты, Москвы, Новосибирска вызвали настоящую сенсацию среди специалистов евразийской археологии. Мне говорили некоторые коллеги: “Видим, но не верим. Поверим, когда побываем на Ботае”.

В 1983 году на Ботае был проведен Всесоюзный археологический семинар, на котором собрался весь цвет ученых – специалистов по первобытной археологии из Москвы, Ленинграда, Киева, Челябинска, Куйбышева (ныне Самара), Свердловска (ныне Екатеринбург), Новосибирска, Красноярска, Алма-Аты, Караганды, Кустаная и многих других городов Союза.

Уникальность поселения была признана научной общественностью. Естественно, что о Ботае заговорили ученые дальнего зарубежья. Но в 80-е годы доступ им в Казахстан был закрыт, даже для ученых из “братских” республик. Пять лет безуспешно пытался получить визу для поездки на Ботай директор венгерской Академии наук профессор Шандор Бёкени, один из известных мировых специалистов-палеозоологов, занимавшийся проблемой доместикации лошади.

Только после образования суверенного Казахстана поселение Ботай могли посетить ученые из Англии, Америки, Германии. В ходе их визитов были приняты совместные программы исследований материалов Ботая, которые включали посещение В.Ф. Зайбертом в 1994 году ряда британских университетов с лекциями о Ботае и организацию в Кембриджском

археологическом музее выставки о ботайской культуре, а также организацию Международного симпозиума “Ранние коневоды Евразии” на Ботае в 1995 году, в котором приняли участие 80 ученых из 16 стран дальнего и ближнего зарубежья.

В 1996 году были начаты совместные казахстанско-германские исследования материалов Ботая и раскопки курганов раннего железного века (Н. Parzinger, V. Zajbert, A. Nagler, A. Plesakov, 2003).

Открытие Ботая и других подобных объектов, их многолетнее исследование имело большое значение для поднятия авторитета археологии и исторической науки в Северо-Казахстанском регионе и республике в целом. В Петропавловске сложилась своя археологическая школа, основанная на комплексном методе исследования археологических объектов, привлечении передовых методов естественных и прикладных наук. Выросли и нашли свое место в науке и собственные научные кадры. По материалам СКАЭ защищены 2 докторские и 8 кандидатских диссертаций, написан ряд монографий, учебных пособий и статей в академических и вузовских изданиях СНГ и других стран.

Это была поистине коллективная работа, но у каждого члена научного коллектива была своя задача и своя тема исследования: Анатолий Плешаков освоил трасологический и экспериментальный методы и совместно с профессором ЛОИА Г.Ф. Коробковой реконструировал орудийный комплекс ботайской коллекции, восстановил основные виды домашних промыслов (Сегодня Анатолий Андреевич Плешаков – кандидат исторических наук, крупный специалист в области трасологии и истории палеоэкономики евразии); Олег Мартынюк и Вадим Мосин научно обработали керамику, реконструировали ее технологическую и культурную принадлежность (О. Мартынюк, 1985); Татьяна Даниленко и американка Сандра Ольсен изучали коллекцию костяных предметов и индустрию кости (О. Даниленко, 1985; S. Olsen, 1997); Владимир Заитов анализировал типологию и технологию каменной и кремневой индустрии (В. Заитов, 1985); Александр Кисленко изучал архитектуру жилищ и планировку поселений ботайского типа (А. Кисленко, 1987), Ирина Вилкова – генезис поселения эпохи голоцена. Ученые из Института археологии АН РК Тулеген Нурумов и Лидия Макарова (Л. Макарова, Т. Нурумов, 1987), англичанка Маша Левине, ленинградка Нина Ермолова, свердловчанин Павел Косинцев, немецкие ученые Фриш и Бенекке изучали остеологическую коллекцию в свете проблемы выделения одомашненных морфологических признаков на костях лошади. Американец Дэвид Энтони применил оригинальную методику определения следов на зубах лошади от использования удил (D. Entony, 1998). Почвовед - Игорь Иванов (И. Иванов, 1983) из Москвы, географ Наталья Белецкая (Н. Белецкая, 1983).

В 2000 году поселение Ботай было включено в состав государственного национального парка природы “Кокшетау”. С этого времени на поселении начаты комплексные охранные мероприятия.

В 2001 году Кокшетауская археологическая экспедиция произвела разметку и обозначила на местности линии ограды охранной зоны вокруг поселения (протяженность контура охранной зоны составила 3600 м), а также приступила к сооружению этой ограды. Были пробурены и выкопаны лопатами и кирками ямы под столбы, организована поставка сосновых хлыстов из Айыртауского регионального отделения ГНПП “Кокшетау” в объеме 100 куб. м. Установка ограды ограничила доступ скота и автотранспорта в охранную зону памятника.

В 2002 году было закончено ограждение охранной зоны и заложена вдоль ограждения лесопосадочная полоса шириной 5 м. В дальнейшем ежегодно производилась посадка саженцев сосны. К сожалению, сильная роза ветров, слабогумусированная поверхность в пределах охранной зоны сдерживают активный рост саженцев, часть из них не выживает. Тем не менее, в результате охранных работ существенно изменилась в лучшую сторону ландшафтная картина памятника за счет рекультивации северной части оврага и карьера. Восстанавливается травяной покров, нарушенный в свое время в результате выпаса скота и проезда автомобильного и сельскохозяйственного транспорта.

Следующий этап в исследовании поселения Ботай был связан с реализацией государственной программы “Изучение и сохранение историко-культурного наследия РК” на 2004–2006 годы Кокшетауской археологической экспедицией (организатор Кокшетауский университет, президент КУ профессор Ж.Ж. Касым).

С целью пропаганды древнего культурного наследия и развития туризма руководством Северо-Казахстанской области и ГНПП “Кокшетау” было принято решение о создании музейно-туристического комплекса “Ботай”. Учеными была выработана концепция, а архитекторы создали проект. Творческой группой разработан эскиз генерального плана музейно-туристического комплекса природно-археологического памятника “Ботай” ГНПП “Кокшетау” и сделана его привязка на местности, прилегающей к поселению Ботай. Площадка размером 300x800 м округлена с трех сторон сосновым лесом, удобна в условиях частых ветров в этой зоне Казахстана. На площадке определены расположения всех планируемых музейно-туристических комплексов (здания, макеты тилинги, выставки, хозяйственные блоки, стоянки, спортивные оздоровительные центры и др.), закладка реперов производилась с учетом данных топографической съемки площадки, будущих экскурсионных маршрутов внутри площадки и за ее пределами. Силами экспедиции, согласно проекту, были возведены два макета ботайских жилищ в натуральную величину, соединенных между собой переходом. Макеты создавались на основе научной реконструкции по чертежам раскопок жилищ на поселении Ботай (5,5 тыс. лет назад). Вначале было выкопано 2 котлована восьми- и пятиугольной формы, с длиной каждой стены 4,6–5 м на глубину 80 см. Затем из самана (глина с соломой) были выложены стены по периметру котлованов высотой 60 см и шириной 80 см и произведена их обмазка глиной. Следующей операцией была подготовка

жердей диаметром 10–20 см. Лес распиливали по нужным размерам, очищали его от коры и укладывали по периметру стен, постепенно сужая диаметр рамы. Таким образом, над котлованом и стенами образовалось шатровое деревянное перекрытие. Поверх перекрытия была сделана глиняная обмазка и уложены земляные пласты.

Высота перекрытия составила в восьмиугольном жилище 4,20 м, в пятиугольном – 3,10 м. Достаточно высокая крыша объясняется основными условиями – функционированием открытых очагов, лишь при высоте перекрытия дома более 3 м дым не расстилается по помещению, а столбом выходит вверх в дымовое отверстие крыши. В процессе строительства макетов жилищ были сделаны экономические расчёты: энергетические и материально-ресурсные затраты и уровень антропологического воздействия на окружающую среду в эпоху энеолита (5,5 тыс. лет назад).

Параллельно, на озере Шалкар, по инициативе руководства ГНПП Кокшетау (руководитель – Сагдиев К.Х.) и Северо-Казахстанского областного акимата, при поддержке экономико-технического образовательного комплекса (ЭТОК руководитель – Мерк А.А.) был запланирован проект музейно-археологического комплекса. Реализована часть проекта – построены два ботайских жилища и разработан графический проект музеефикации части территории курортного озера. К сожалению, руководство и времена меняются, проекты отклоняются и ждут своего лучшего часа.

Реконструкции ботайских жилищ – это первый научный опыт в Евразии. Данное открытие отражает не только уникальный исторический опыт далёких предков, передавших умение строительства и архитектурный стиль, претворившийся со временем в казахскую шошалу и юрту, но и практичность таких сооружений, которые могут использоваться в современной практике.

Археологические раскопки, контакты с учеными ведущих стран, позволяли не только получать качественную научную информацию, но и прогнозировать перспективу исследований и варианты пропаганды богатого культурного наследия. Памятным событием для участников экспедиции 2005-2006 гг. был приезд на Ботай директора Центрального музея Республики Казахстан Нурсана Алимбая и его сотрудников. Его предложение о передаче наиболее важных ботайских находок на государственное хранение и экспонирование в г. Алматы. Нурсан Алимбай абсолютно был прав, когда говорил, что такой археологический и культурный памятник как Ботай должны увидеть как можно больше людей, и не только из Казахстана, но и всего мира.

Несколько тысяч предметов из камня, кости, глины, в том числе орудия труда, посуда, украшения, нашли свое место в хранилищах и экспозиции южной столицы.

В период с 2007 по 2010 год, пока не было финансирования ботайских исследований, мы активно сотрудничали с британскими учеными-археологами, палеозоологами и палеоантропологами. Приставка палео –

означает изучение останков ископаемого времени, отдаленного от наших дней на десятки и сотни тысяч лет. Совместная программа «Образ жизни ботайского человека» была официально оформлена через договоры о научном сотрудничестве между Северо-Казахстанским государственным университетом им. М. Козыбаева, Кокшетауским университетом (Казахстанская сторона) и Экзетерским, Бристольским, Кембриджским университетами (Британская сторона). За счет последней стороны, на поселении Ботай произведены палеогеографические и палеомагнитные исследования культурного слоя. Результатом явилась совместная статья в научном журнале мирового значения «SCIENCE» за 2009 год в которой информируется о том, что лошадь впервые на планете одомашнена в Северном Казахстане, и что ранние скотоводы-коневоды в IV тыс. до н.э. изготавливали кумыс.

Благодаря реализации государственной программы «Культурное наследие» издательством «Балауса» в 2011 году публикуется книга-альбом: «Ботай. У истоков степной цивилизации», а на поселении Ботай будут продолжены раскопки, а с ними появится и новая научная информация и интересные факты для всех любознательных.

Библиографический список:

- Alan K. Outram, Natalie A. Stear, Robin Bendrey, Sandra Olsen, Alexei Kasparov, Victor Zaibert, Nick Thorpe, Richard P. Evershed The Earliest Horse Harnessing and Milking //6 MARCH 2009 VOL 323 1332 SCIENCE
- Anthony D., Brown D. Bit Wear, Horseback Riding and the Botai Site in Kazakstan. New York. 1998.
- Levine M., Kislenko M. New Eneolithic and Early Bronze Age Radiocarbon Dates for North Kazakhstan and South Siberia // Cambridge Archaeological Journal. Vol. 7 No. 2 October 1997.
- Parzinger H., Zajbert V., Nagler A., Plesakov A. Der grobe Kurgan von Bajkara. Studien zu einem skythischen Heiligtum. Archaologie in Eurasien. Band 16. Mainz am Rhein, 2003.
- Sandra O. A Model For Incipient Horse Domestication Based on the Eneolithic Botai Culture and Modern Kazak Pastoralism. Paper delivered at the 62nd Annual Conference of the Society for American Archaeology, Nashville, 1997.
- Виктор Зайберт Ботайская культура. – Алматы «ҚазАқпарат», 2009.
- Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск, 1993.
- Зайберт В.Ф. «Атбасарская культура», Екатеринбург, 1992
- Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Кулаков Ю.В., Задорожный А.В., коллективная монография «Тайны древней степи», Кокшетау, 2007.
- Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 2003.

Подписи к рисункам:

Рис. 1. – Карта памятников ботайской культуры.

Рис. 2. – Ботайское урочище.

Рис. 3. – Панорама раскопа береговой зоны поселения Ботай.

- Рис. 4. – Обработка костей лошади и костяных орудий поселения Ботай.
- Рис. 5. – Расчистка жилища.
- Рис. 6. – Костеносный культурный слой.
- Рис. 7. – Реконструкция ботайского поселка.
- Рис. 8. – Общий вид реконструированных жилищ на озере Шалкар.
- Рис. 9. – Внутреннее пространство реконструированного ботайского жилища.
- Рис. 10. – Каменные орудия ботайской культуры.
- Рис. 11. – Керамический сосуд. Поселение Ботай.
- Рис. 12. – Антропоморфная каменная скульптура. Поселение Ботай.
- Рис. 13. – Орнаментированная фаланга лошади. Поселение Ботай.
- Рис. 14. – Электромагнитное сканирование поверхности культурного слоя. Поселение Ботай.

Сведения об авторе - Зайберт В.Ф.
д.и.н., профессор археологии, член-корр.
Германского археологического института.